

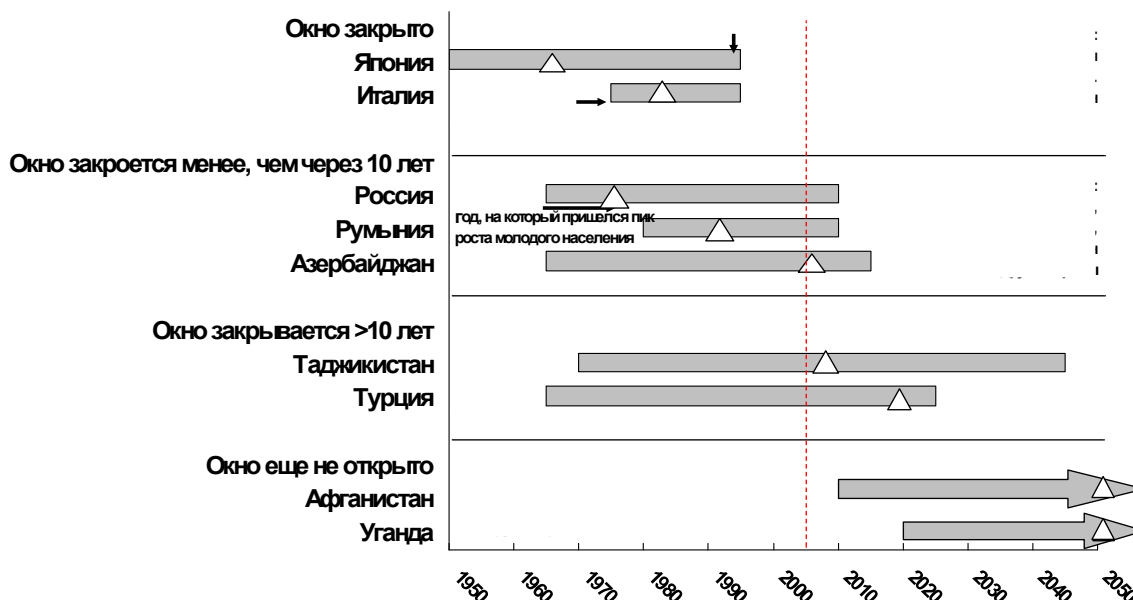
Социально-экономическое развитие и следующее поколение: пять переходов

Введение. Почему молодежь?

Замечательно, что в течение длительного времени на этих конференциях мы ведем разговор вокруг нескольких «вечных» вопросов. Среди них есть вопрос о том, отвечает ли школа за отдаленные результаты образования: за жизненный успех человека, за то, как он живет через десять, через пятнадцать лет после окончания школы. Мы касались этого вопроса на конференциях, в которых центральными были вопросы об образовательных результатах, о компетентностях, о возрастных переходах. И хотя, в ходе экспертной дискуссии на этой конференции мы вроде бы договорились, что школа отвечает только за то, чтобы ребенок поступил в ВУЗ, были и другие высказывания. Выступавшие на конференции губернатор А.Хлопонин и депутат А.Клешко в явной форме рассматривали образование из более широкой рамки – в контексте социально-экономического развития.

Сегодня я хотел бы вернуться к вопросу об эффектах школьного образования и попытаться более точно очертить ту рамку, в которой мы, как те, кто работает в образовании, могли бы оценивать то движение, которое задаем растущему человеку с точки зрения его будущего и социально-экономического развития общества, в котором он живет.

И так удачно получилось, что мне в этих размышлениях помог последний доклад о мировом развитии, подготовленный Всемирным банком. В этом году он посвящен молодежи. И он так и называется: «Социально-экономическое развитие и следующее поколение». Здесь надо сказать, почему лидеры экономической и общественной мысли обратились к проблематике молодежи в связи с проблематикой социально-экономического развития. Дело в том, что человечество сегодня переживает время, когда молодых людей намного больше, чем было когда-то и, скорее всего, чем будет. Считается, что в ближайшие 20 лет человечество пройдет пик роста населения. Мы можем видеть это на рисунке.



Ряд стран, к которым относится и Россия, этот пик прошли. Из рисунка также видно, что есть страны, где рост продолжается, и пиковые значения будут достигнуты в течение десяти-двадцати лет. В любом случае человечество переживает период, в котором происходит огромный рост именно молодого населения. Вопрос, что с ним делать – это не просто вопрос молодежной политики, но и вопрос социально-экономической политики.

Он, правда, стоит по-разному для развитых и развивающихся стран. Мы видим на рисунке в развивающихся странах рост числа молодежи и работоспособного населения, что

открывает невиданные перспективы перед этими странами, поскольку они получают колоссальный человеческий ресурс, который характеризуется, в целом, и более крепким здоровьем, и более высокой квалификацией. А для развитых стран молодежь тоже становится важнейшим ресурсом, потому что через десять лет один работоспособный человек должен будет содержать двух неработоспособных: ребенка и пожилого человека. Возможно, не столь драматично, но этот процесс идет и в России. В этом смысле вопросы продуктивности молодого поколения, его роли в социально-экономическом развитии играют колоссальную роль.

Таким образом, сегодня экономисты, социологи, культурологи, антропологи обращаются к проблематике молодежи, поскольку, во-первых, возросшая численность молодежных групп в развивающихся странах - это и колоссальные риски, и колоссальные возможности для прыжка развития, а, во-вторых, нехватка молодежи в развитых странах делает этот ресурс критически ценным.

Почему я перескочил с вопроса о роли образования в социально-экономическом развитии к вопросу о молодежи? Да потому, что производство молодого поколения и является важнейшим вкладом образования в социально-экономическое развитие. Конечно, есть и другие вклады: в наше время школы собирали макулатуру, в них проводятся выборы, а в вузах – научные исследования. Но именно образование – та сфера, где которая затрагивает большинство молодых людей. Тем более что и в развитых, и в развивающихся странах растет число лет, проведенных молодежью в сфере образования. Таким образом, потенциально важнейший ресурс социально-экономического развития создается (может создаваться) в системе образования.

Тогда для нас как для работников этой системы встает вопрос: как молодежь из потенциально ценного ресурса становится реальной силой развития, что делает ее вклад позитивным и значимым.

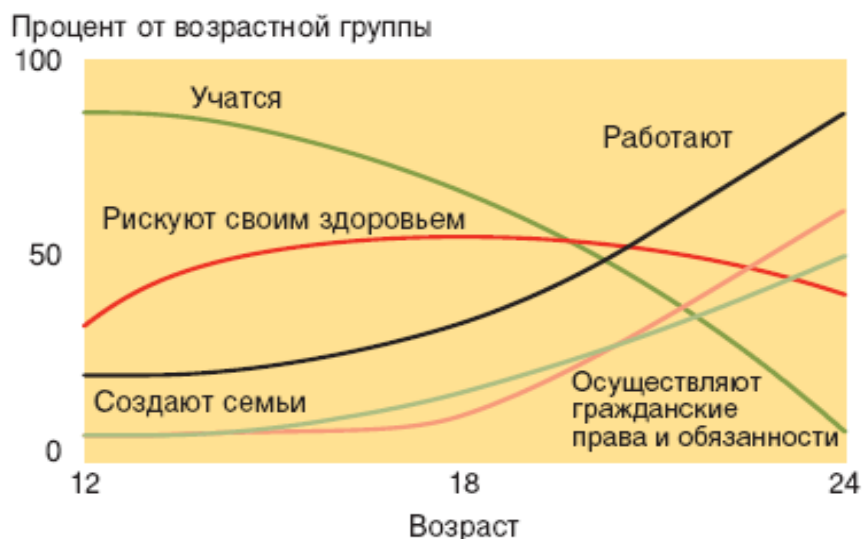
Чтобы ответить на него, надо ответить на вопрос, который поставлен в названии конференции: что такое молодость: вершина детства или начало взрослости? И здесь я присоединяюсь к авторам доклада о мировом развитии, которые, по сути, дают совершенно однозначный ответ: молодость - это переход к взрослости. В хорошем варианте – это переход к продуктивной и счастливой взрослой жизни¹. Тогда фактически принципиальным вопросом социально-экономической политики становятся вопросы управления этим переходом. Управления переходом огромной массы людей от детства к взрослости.

Для нас это позволяет поставить вопрос о роли образования в этом переходе. При этом сама структура этого перехода и задает рамку анализа отдаленных последствий. Т.е. грубо говоря, если осуществляется переход к взрослости, то содержание этого перехода и позволяет нам сказать, хорошо ли мы сработали в образовании.

Переход к взрослости – пять переходов

Далее мы делаем следующий концептуальный шаг, который не основан ни на каких строго теоретических рассуждениях, а в значительной мере является суждением здравого смысла, который не чужд экономистам и социологам. Это суждение основано на наблюдениях и состоит в том, что в целом нормальный (то есть «правильный») переход к взрослости, по своей структуре, состоит из пяти переходов. Они представлены на рисунке ниже.

¹ Здесь надо отметить, что в цитируемой работе возрастная рамка молодежи определяется с 13 до 24 лет



Во-первых, это переход к учению в течение всей жизни. Не развитие через школу, а переход к обучению, точнее к учению в других – не школьных условиях. Подчеркнем, что речь идет о шаге от внешне навязанного и организованного обучения к самостоятельному построению образовательных траекторий для освоения новых навыков и знаний.

Второй очевидный переход – это переход в мир труда, работы. Действительно, большинство людей к 24 годам начинают трудовую деятельность или становятся безработными.

Следующий важнейший переход, о котором педагоги не говорят всерьез, это - переход к созданию семьи или к семейности.

Четвертый переход - от частной жизни к жизни общественной и гражданской. Об этом на этой конференции говорил А.М.Клешко из позиции внешнего заказчика. На других конференциях мы тоже обсуждали этот переход чаще всего как вопрос внутренний, учебно-образовательный, как вопрос оснащения гражданской компетентностью. Действительно, именно на этом возрастном отрезке решается, будет ли человек активным позитивным гражданином, индифферентным обывателем или политическим экстремистом.

И, наконец, последний переход, появление которого в докладе о мировом развитии для меня был некоторой неожиданностью и поначалу показался не очень важным и соразмерным другим ключевым переходам. Его можно сформулировать примерно так: от беззаботности к заботе о здоровье. Можно и так: от траты здоровья к его сохранению. Это тот самый период, когда человек начинает чувствовать, что у него есть сердце и другие внутренние органы. В этом возрасте закладываются основы будущего здоровья, отношение к здоровью. И потери здоровья в этот переход в значительной степени определяют всю будущую жизнь человека.

Таким образом, мы имеем дело с пятью объективными переходами, которые как бы тащат человека.

Внешние переходы и внутреннее развитие

На наших конференциях мы (поскольку конференция в значительной степени движется психологами) обсуждаем внутреннее развитие человека: его способности, интересы, энергетику, интеллектуальное развитие. При этом мы часто искусственно конструируем или даже игнорируем тот внешний контекст, в котором происходят эти внутренние изменения. Реальность существенно сложнее, поскольку, пока мы помогаем ребенку развиваться, его внешняя ситуация (пока - не социальная ситуация развития, а просто социальная ситуация), протаскивает через эти пять переходов. Но опять же никуда не деться от этих субъективных психологических, процессов, поскольку их реальность объективна.

Таким образом, полная картина социализации в широком смысле будет образована встречей и соотнесением внешних и внутренних процессов. Список последних может быть достаточно длинным. В принципе мне представляется, что сюда можно записать все процессы, описываемые разными возрастными периодизациями. В частности важный контекст задается основными процессами периодизации Э. Эриксона (особенно важен поиск идентичности). Стойки зрения нашего представления о взрослении для нас исключительно важен процесс

развития инициативы и самостоятельности человека. Безусловно, ключевую роль в этих переходах играет процесс становления сексуальности человека.

И здесь возникает очень важный вопрос, я точно на него никаких ответов не дам, а только поставлю этот вопрос о связях этих процессов, потому что вот вчера, например, на докладе Татьяны Михайловны Ковалевой развернулась дискуссия о том, должны мы учитывать эти внутренние процессы развития, когда организуем переход, связанный с построением его индивидуальной образовательной программы. Мне кажется, что именно здесь психологи могут найти серьезное поле для кооперации с экономистами и социологами, поскольку те, в свою очередь, часто игнорируют эти внутренние процессы. Они не рассматривают собственное движение человека, как важный ресурс управления переходами.

Управление переходами

Что значит, управлять этими переходами? Ведь они совершаются объективно, и наша активность (или активность молодого человека), как правило, не может их отменить. Но мы хотим добиться того, чтобы эти переходы совершались (здесь я буду использовать такую житейскую терминологию) по-хорошему. Переходы характеризуются тем, что они являются развилками: куда повернешься, там и окажешься. Мы хотим, чтобы дети, молодые люди так прошли пять переходов, чтобы они учились всю жизнь, чтобы они нашли нормальную работу, чтобы они были хорошими гражданами, чтобы у них была хорошая семья и чтобы они были здоровы. Поэтому вопрос об управлении формулируется следующим образом: как влиять на эти переходы, чтобы они происходили оптимально. Традиционно единственным инструментом управления этими переходами считалось предоставление соответствующих возможностей молодым людям. Помимо этого авторы доклада о мировом развитии выделяют еще два инструмента. Я добавил бы еще один. Но начнем с расширения реальных возможностей. Такая политика означает, что человеку в соответствующих областях просто предоставляется большое число возможностей. Это легко понятно на примере перехода к работе. Вот молодой человек выходит на рынок труда с какими-то навыками, и у него пятьдесят предложений трудоустройства. На этом примере видно, что данный механизм является базовым в обеспечении нормальных переходов. Ведь, если молодой человек принципиально не может найти работу, то переход реализуется по негативному сценарию. Важнейшими принципами при реализации этого механизма управления являются равенство и удобство пользования. Второй важнейший инструмент обеспечения перехода – это собственно развитие в каждом человеке потенциала использования этих возможностей. Пусть перед тобой сто путей, сто дорог, но, если у тебя ноги не ходят, то эти дороги никуда не приведут. Далее посмотрим на примере конкретных переходов, как можно строить потенциал реализации этих возможностей, в разных сферах. Простейший пример мы можем увидеть, когда мы создаем возможности для профильного обучения, а у детей нет средств принятия решений, относительно их собственной траектории. Это – яркий пример, когда возможности есть, а потенциала реализации нет.

Откуда появляется потенциал реализации? Мы, педагоги, в основном рассматриваем в качестве основного потенциала информированность человека в области учебных предметов. Понятно, что для жизненных переходов нужна не только такая информированность, но и информированность о тех сферах жизни, где осуществляются эти переходы. Нужно и знание о том, как применять академическое знание, – то, что мы называем компетентностями.

Для экономистов важнейший и очевидный элемент потенциала реализации – это финансовые ресурсы человека. Педагоги обычно закрывают на это глаза. Но недавно меня поразили социологические исследования молодежи на Северном Кавказе, которые отмечают в качестве основного препятствия в получении высшего образования нехватку средств в семьях. Поэтому, построение социально-экономической политики без понимания того, что молодое поколение нуждается в ресурсах для того, чтобы реализовывать свой потенциал, всегда будет ошибочным.

Есть еще важные составляющие потенциала. Они связаны между собой: мотивация, энергетика и успех на предыдущих этапах. Их роль подтверждают выводы из недавнего английского исследования. Там обнаружили, что колоссальные вложения в так называемые плохие школы (у них это школы, которые находятся в рабоче-депрессивных районах): в оборудование, в подготовку учителей – не дают эффекта, если в семьях и у детей нет мотивации

на дальнейший переход, нет высоких ожиданий. Этот аспект потенциала реализации мне кажется чрезвычайно важным.

Надо заметить, что отношение этих двух механизмов управления друг к другу не столь тривиально, как может показаться из простой схемы: больше возможностей – больше прав молодежи. Это видно на примере перехода на рынок труда. Недавно, например, французское правительство попыталось отобрать у молодых людей дополнительные трудовые права, защиту первого трудоустройства и т.п. Однако, столкнувшись с протестами молодых людей, правительство дало задний ход реформе. После этого в журнале «Time» была одна забавная статья, смысл которой состоял в том, что неплохо бы руководителей французского этого движения в защиту трудовых прав молодежи отправить в Екатеринбург (почему-то этот город был взят в качестве примера российской ситуации, там у молодых людей вообще нет никаких трудовых прав. Их могут уволить на следующий день. Но в целом статья была очень позитивна по отношению к России, потому что в ней говорилось, что такая жесткая ситуация формирует у российского молодого поколения в отличие от француза не иждивенчество, а хорошую агрессивность в смысле поиска работы и активности. Мне кажется, что это сравнение показывает сложность проблемы. Возможно, традиционные охранительные стратегии, которые мы выстраиваем, начиная со школы, могут быть очень опасными на длительную перспективу в условиях серьезной конкуренции на рынке труда.

Третий важнейший принцип управления переходами тоже носит практический характер. Это – принцип второго шанса. Действительно, очень часто наши педагогические стратегии, как и молодежная политика в целом, не предполагают второго шанса для человека, когда он заблудился, попал в тупики переходов. В этом случае человек по сути выбрасывается из дальнейшей продуктивной жизни. Особенно это характерно для молодых людей, которые попадают в места лишения свободы и потом не могут вернуться к нормальной жизни. А ведь таких молодых людей только в России насчитываются миллионы. В похожей ситуации оказываются и люди, которые не выучились. Те дети, которые бросили школу, потом, как правило, не могут вернуться в систему образования. И, поэтому, принцип второго шанса является критически важным. Но это должен быть не второй шанс по-советски, когда человека сажают во второй класс на второй год. Нужна возможность найти какой-то обходной путь и догнать свое поколение.

Вопрос о втором шансе связан с вопросом о рисках на переходах, потому что человек обычно нуждается во втором шансе именно в связи с тем, что ведет себя в этих переходах рискованно. И здесь важно понимать, что рискованное поведение, в результате которого человек попадает в ситуации, которые требуют второго шанса, не может и не должно рассматриваться как совершенно негативное. Не случайно еще Руссо писал о том, что из того, кто не был уличным мальчишкой, не получится приличного человека. Но вопрос состоит в том, как тому, кто рискнул, ошибся, набил шишек позволить (в том числе используя этот негативный опыт) продолжить движение дальше. В нашей образовательной политике до сих пор риск и второй шанс обсуждаются в залоге спецшкол, а не в залоге основной линии образования.

И, конечно, важнейший этап в управлении переходами, это регулирование взаимодействия этих самых объективных переходов и субъективных процессов.

Взаимодействие между указанными выше пятью объективными переходами и процессами психологического становления может происходить двояко. С одной стороны, содержание этих переходов помогает проектировщикам образовательного пространства (здесь я сослался бы на модель образовательного пространства, предложенного нами с Б.Д.Элькониным в 1993 году) задать образ взрослости, который, с нашей точки зрения, является важнейшей движущей силой возрастного развития. Такая постановка задачи имеет серьезные последствия и для построения пространства получения опыта, и для отбора содержания образования.

С другой стороны, процессы взросления, описанные в различных возрастных периодизациях, позволяют разработчикам образовательной политики увидеть и понять «мелкую» динамику переходов, оценить внутренние факторы формирования потенциала.

Переходы когорт и индивидуальные переходы

При построении образовательной и молодежной политики особенной трудностью является построение таких массовых решений, которые бы учитывали многообразие и

внутреннюю сложность молодого поколения. Ведь разные группы молодежи двигаются в этих переходах по-разному, и, когда мы обсуждаем стратегии, нужно к этому соответствующим образом относиться. Можно выделить несколько таких групп, которые двигаются в переходах особым образом и относительно которых необходимы разные стратегии управления. Прежде всего, это юноши и девушки. Очевидно, что они двигаются совершенно по-разному в этих переходах, особенно в переходе, связанном с формированием семьи. Во всех странах с рыночной экономикой, включая Россию, переходы (в том числе и образовательная траектория) существенно зависят от социального положения. Молодежь из разных этнических групп, из мигрантов также имеет разные траектории переходов. Это чрезвычайно усложняет задачу социального и образовательного проектирования.

Переход к взрослости – повестка дня для образования

С моей точки зрения, возникает три направления дальнейшей работы в этой тематике. Во-первых, это – точный анализ ситуации и молодежной политики в России. В докладе о мировом развитии показано, как три основных социальных механизма управления взрослением (возможности, построение потенциала и второй шанс) реализуются для разных переходов в глобальном масштабе. Очевидно, что для того, чтобы представить всю эту картину для России, нужны дополнительные достаточно подробные исследования. Российская молодежная ситуация, безусловно, имеет свою специфику. Во-вторых, мне представляется, что не вполне прояснены концептуальные вопросы этой схемы в целом. Прежде всего, это вопрос о том, правильно ли выделены переходы. Другой интересный вопрос: а существует ли внутри этих переходов иерархия, какой из них самый важный. Ведь экономисты упорно считают, что самый важный – это переход к трудовой деятельности. А что думаем мы? Интересны вопросы, связанные с возможностями и рисками для разных переходов. И, конечно, вопрос о том, каковы собственные движущие силы человека в этих переходах. Что заставляет его поддерживать объективные процессы или сопротивляться им?

В третьих, мне кажется, что можно и нужно переоценить задачи образования в контексте представленной схемы. По-видимому для системы образования ключевой задачей является не столько обеспечение возможностей переходов (за исключением перехода к непрерывному образованию), сколько задача формирования потенциала. Какой потенциал мы даем человеку, который выйдет на рынок труда, начнет создавать семью и участвовать в политике?

Здесь я должен поделиться одним личным переживанием. В последний мой приезд в Красноярск я встретился с несколькими выпускниками школы «Универс». Я точно знаю, что у большинства из них жизнь складывается нормально. Но среди тех, кого я встретил, было двое ребят, которые неплохо учились в школе, которые неплохо учились в высшем учебном заведении. Но они, по всей видимости, вышли и из школы, и из ВУЗа с завышенными ожиданиями, с нереалистичными представлениями о том, что от них будет требоваться на рынке труда. Оному сейчас чуть ли не 30, второму – 26. И вот они болтаются: то в магазин по торговле запчастями, то монтируют аттракционы, то сидят в конторе и скучают. Ноют страшно. Оба развелись и не создали новой семьи. И я себя чувствую, честно говоря, паршиво. Все думаю, что мы сделали неправильно, создавая потенциал для этих вполне трудоспособных и не глупых молодых людей, чтобы они приняли правильное решение относительно трудовой деятельности. Я бы жестко здесь сказал, что вся дискуссия насчет развития мышления, воспитания творчества и т.д. не стоит и гроша ломаного, если человек оказывается в итоге без работы, без семьи и болеет. Без этой большой внешней рамки наши внутренние дискуссии кажутся мелкими. Серьезное отношение к обеспечению нормальных переходов средствами образования может стать задачей, которая гальванизирует окупившуюся педагогическую мысль.

Вопросы

В.В. Башев: Вы положили паспортный возраст с 13 до 24 лет как границы анализа. Мне кажется, что тогда надо уточнить основания выбора именно этих границ для данных переходов? Вроде бы у тринадцатилетнего ребенка проблема перехода к работе не есть актуальный вопрос, с моей точки зрения. Есть и другое житейское суждение: когда я своего четырнадцатилетнего

сына иногда пугаю: вот ты когда станешь отцом... На что он мне говорит: «Папа ну ты что? Дайте мне сначала пожить». И со здоровьем вроде – до 24 лет ничего не болит...

И.Д. Фрумин: Мне кажется, что эти возрастные рамки адекватны для глобальной реальной картинки. Дело в том, что в ряде стран к 16 годам половина девушек замужем. Заметим, что в докладе В.С. Собкина на этой конференции говорилось, что в России 30% или 35% молодых людей, которые находятся в школе, имеют опыт сексуальной жизни. Кстати, в Англии проблема подростковых беременностей, очевидно связанная с будущей семейной жизнью, является очень актуальной. Возможно для России я поднял бы нижнюю планку до 14 лет, но это мне кажется не очень принципиальным. Что же касается здоровья, то в 30 лет им заниматься уже поздно. Проблема этого перехода как раз в том, что он очевиден для тех, кто старше. А для молодых – нет. Но половина зараженных СПИДом в мире, это люди до 24 лет. Здесь, кстати, хорошо видна драматургия этого перехода: они уже заразились, но многие из них еще не болеют.

В Вашем вопросе, мне кажется, спрятано очень интересное суждение. Оно касается дальнейших исследований этих переходов. Фактически Вы говорите, что нужно построить внутреннюю дифференциацию этого широкого периода по собственно социально-психологическим возрастам. Безусловно, внутри этого длинного десятилетнего отрезка в соответствии с классическими возрастными периодизациями есть как минимум три возраста: подростковый, собственно юношеский и старший юношеский возраст.

А.М. Аронов: Явно или не явно, мы видим, что упираемся в одну проблему, которая до сих пор, наверное, не могла обсуждаться. Именно эта конференция заостряет этот сюжет. Если говорить, например, про юношество, то можно сказать, что оно появилось 900 лет назад (вместе с английскими университетами). А есть ли у нас образ взрослости? Обсуждая переходы, мы упираемся в вопрос: а кто такой взрослый? Ведь растущее «Я» упирается в какую-то определенную модель взрослого человека.

И.Д. Фрумин: Очень точно. И я пытался сказать о том, что сам ход с переходами позволяет нам более предметно говорить об образе взрослости. Здесь, конечно, требуется развернутая дискуссия. Но из-за нехватки времени и продумывания я отвечу очень просто и несколько провокационно. Взрослый – это тот, у которого есть семья или развелся, который работает или безработный, который уже начал болеть (смех в зале), который уже не учится в формальной системе обучения, который участвует или отказывается от участия в гражданской жизни. Вот и все.